

24.2.94

Новиков Лев

Он там, где все хотят быть, — среди блеска прожекторов, знаменитых фамилий и популярных лиц. В том мире, который отделен от большинства театральной рампы или экраном телевизора. Он видит людей, о которых ходят легенды, в свете не софитов, а лампы в гримерной. А дальше «звезд» видят зрители — такими, какими сделал их он, визажист Лев Новиков.

— Визажист — что это за такая новая профессия? А еще тебя называют стилист... Названия впечатляют, но что это по сути?

— По сути, я лично гример и немного парикмахер. Меня, как и других, называют стилистом, но никто не задумывается, что коверкается изначальный смысл, заложенный в слове. Когда я работал в США на Бродвее, коллеги спрашивали: «Стилист чего?» Есть стилист по составлению букетов, стилист по оформлению витрин и так далее. Американцев настораживало, что один человек занимается и макияжем, и прической, и одеждой; у них там четкое деление по цехам.

Так вот, я — художник по гриму, это мой цех, это дело, которое меня кормит, и стесняться своего цеха считаю большим грехом.

— Тем не менее у нас в красивое слово «стилист» вкладывается искусство составления образа. И каждая уважающая себя «звезда», насколько известно, просто обязана иметь стилиста. Это только престижно или действительно необходимо?

— Чем выше, культурнее общество, тем больше оно уделяет внимания структурам, которые формируют образ человека. Другое дело, что нынче, когда иметь стилиста стало прямо-таки делом чести каждого, тут же появилась тьма мальчишек, которые в детстве не доиграли в куклы, и им пришла в голову мысль стать визажистами. Сейчас нелегкий период для страны, но очень легкий для людей, которые в мутной воде времени приобретают лишь навыки от профессий, которые легко приживаются в этой «красивой» жизни. Если человек имеет деньги, но не имеет культуры, он цепляется за побрякушки, которые создают имидж «дорогой» жизни.

Артисты становятся подопытными кроликами, потому что красить глаза и крутить кудри дело нехитрое. Потом, правда, часто случается, что у человека начинают вылезать волосы или во время выступления «течет» глаз. Визажист обязан быть профессионалом.

— Так титул «визажист» подтверждает диплом, лицензия?

— Отнюдь. Многие из тех, кто именует себя этим словом, никакой лицензии не имеют. Более того, раньше заниматься макияжем могли только те, кто заканчивал медицинское училище, а выпускников парикмахерских школ никогда не распределяли сразу в салон. Но это было давно, теперь ни уровень квалификации, ни опыт участия в конкурсах не нужны. Все это легко заменяется апломбом...

— А как в эту профессию пришел ты?

— Я собирался поступать в Текстильный институт и без конца рисовал и рисовал всех, кто приходил ко мне домой.

А вообще меня интересовало искусство как таковое. С девятого класса я ходил на кинофакультатив — у нас в группе было всего семь человек, и если бы кто-то занятия не посещал, факультатив бы закрыли. Я по утрам занимался тем, что обзванивал всех и умолял, заставлял приходить. Мы собирались чуть свет перед занятиями в школе и смотрели удивительные фильмы, о которых вслух мало кто говорил. — «Рублев», «Рокко и его братья». Тот шок, который я получил от соприкосновения с этим высоким искусством, отложился на моей дальнейшей жизни. Хотя в моей биографии было достаточно и неприятных, отрицательных впечатлений, и они сыграли свою роль в моем выборе. Обратный эффект тоже действен: в противовес злу — желание делать добро.

— «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» Как и у поэтов, у художников по гриму идеи создаваемых образов приходят из жизни? Из немыслимого нашего быта? Или все-таки с глянцевого обложки модных журналов?

— Журналы нужны мне как источник информации. А для импровизации необходимо личностное отношение. И тот, кто рисует, и те, кого рисуют, должны быть личностями. Если человек, с которым я работаю, не имеет своего внутреннего «я», ему не помогут никакие деньги. Есть люди, ограниченные в средствах, но не ограниченные в возможностях — их интеллект, внутренняя культура, выражение лица куда важнее, чем

Макияж — это особый язык, если угодно — символ...

косметичка, доверху набитая фирменной косметикой. По этой же причине я ненавижу советы по макияжу, которые так любят в газетах и на телевидении — потому что женщина, богатая духовно, может создать при помощи обыкновенного вазелина, огрызка карандаша «Живопись» и рублевой пудры ту красоту, которую не найдешь у другой — с ног до головы одетой в «стретч», на «платформе» и надушенной самыми дорогими духами.

— Но разве теми же журналами, которыми красота, которые одни на всех? Эталон для каждого?

— Рекламные плакаты — лишь повод подумать о собственной индивидуальности. У каждой фирмы СВОЕ лицо, есть оно и у «Ланком», и у «Диора», и у «Нины Ричи», и у «Елены Рубинштейн». За каждым лицом — судьба, причем судьба не только героини, которая несет характер, образ фирмы, но и судьба самой фирмы, традиции, находок, многолетним итогом искания которых и стала финальная фотография.

Конечно, можно посмотреть на рекламный плакат той же «Ланком» и перерисовать стрелки, как у модели Изабеллы Росселини. Вот почему у нас получаются толпы одинаковых красавиц, когда рисуют лишь стереотипы.

— По-моему, нет ничего удивительного в том, что у нас занимают повальным копированием, — во-первых, это проще, во-вторых, откуда взяться собственному опыту в профессии, которая ворвалась в новую жизнь?

— Действительно, долгое время макияж был у нас чем-то чужим, «капиталистическим». Еще несколько лет назад в театральной программке слово «макияж» печаталось где-то совсем внизу, на уровне слова «тираж». Что такое за «макияж»? «Тираж»? «Гознак»?

Макияж — это особый язык, если угодно — символ, с помощью которого можно объяснить, какой нынче год на дворе.

Что такое «макияж» и насколько он нужен, мы уже иногда можем видеть и чувствовать сами. В театре, например. Здесь внешний лик страстей и настроений необходим как язык, и даже вместо него.

— Я пришел в театр Виктюка в самый разгар работы над «Служанками» — Виктюка тогда мало кто знал, и он ходил в одном пиджаке и свитере. Мне сказали: «Делай, что хочешь и ни в чем себе не отказывай». Я немного боялся, но был настолько потрясен сценографией, костюмами, музыкой, пластикой, что смог сделать — не макияж даже — лица-маски.

— Ты работал в театре Виктюка, в театре Райкина, со многими эстрадными исполнителями. Твоя работа слишком заметна, чтобы не видеть, когда ты уходишь от них. Почему так часто уходишь?

Москва-1994. — 24 февр. (нб). — С. 16.

— Есть какая-то высота отношений, которую не хочу терять. Как только начинается быт, пропадает тот уровень контакта с человеком, который держит истинное искусство. Есть отношения на уровне чувственных — не всегда даже кто-то должен видеть, как ты, например, принимаешь пищу. Далее, в нормальном спектакле не может первую партию танцевать прима, а потом дотанцовывать кордебалет. То же самое получалось со мной — я гримировал одно лицо, а остальных догримировывали другие. Это довольно обидно и для гримера, и для актера.

— Тебе, конечно, поручали гримировать «звезду»?

— Я никогда не ущемлял актеров из массовых сцен, я вообще не люблю людей, которые слишком трепетно относятся к собственной значимости. Мне приятнее проводить время с нормальными людьми, они не лезут из кожи вон, потому в отношениях нет фальши. Не люблю неискренних отношений, когда люди целуются, а потом поливают друг друга грязью. Хотя ясно, мелькнув пару раз со «звездой», проще стать популярным.

— Визажист — элитарная профессия?

— Элитарная потому, что только у людей, занятых в шоу-бизнесе, есть деньги, чтобы оплачивать стилиста. Но я сам выбираю, с кем работать. Я работаю на свое дело, а не на свое имя. Считаю просто неприличным «раскручивать» себя на репутации других людей.

— Про тебя рассказывают странное: от выгодных предложений отказываешься, а нередко самозабвенно работаешь задаром с малоизвестными партнерами.

— Я работаю там, где хочу. Мне не нужно нести домой с работы кусочки ваты, ланолина и кремов, наоборот, я сам всегда приношу дорогую косметику и кисточки. Я не жалею их на тех, с кем работаю. Понимаешь, люди в творчестве взаимодействуют между собой как молекулы, встречаясь друг с другом и получая заряд энергии. Я в этом смысле счастливый человек — я работал, например, с Натальей Макаровой, Аллой Демидовой.

Я найду, где заработать деньги — на этих безумных клипах, на рекламе, но если я перестану бесплатно работать там, где действительно необходим, то все рухнет. Если люди во мне нуждаются, но у них нет возможности оплатить мою работу, я не имею права отказать, там должен быть профессионал.

Что ж, мой собеседник — человек модной и новой профессии — подтвердил вечную истину: внутреннее «я» — стержень профессионализма. Не обладая им, не определишь место, которое твое. Профессионализму не учат, его не возмешь взаймы. Профессионализм — во всяком случае, я так думаю — это позиция, это возможность оставаться независимым и самим собой. Профессиональный эгоизм выражается в простом и прекрасном «я хочу работать», и в нем-то и скрыт высокий КПД.

Люди «погибают» от основательной причины: неуважения себя. Профессионал своим делом от этой «погибели» застрахован.

Беседу вела Наталья ЩЕРБАНЕНКО.